

ДОРОГОЙ РАЗДУМИЙ

Достоинство первой книжки стихов Муссы Батчаева — самостоятельность, свобода от подражания или невольного влияния декламационной поэтики в честности и риторики вообще, о характере и истоках которых уже не раз приходилось мне говорить в связи со стихами многих карачаевских поэтов. В поэзии М. Батчаева всегда присутствует своя, определенная (пусть небольшая) мысль, облеченная в конкретное содержание. А отсюда — и необходимая композиционная организованность стихов.

Эти особенности сразу заметил читатель и по достоинству оценил их.

Но поэт молод, поэт в пути, и было бы просто опрометчиво сказать о его поэзии только это, не заметив всего, что метает ему в его движении вперед.

Как же выглядит книжка М. Батчаева с точки зрения требований, предъявляемых к поэзии как таковой — без областных барьеров?

Вот стихотворение «Словно белые лебеди...»:

Словно белые лебеди на скалы садятся.

Снег покрывает коричневые горы.

Вот так же, не считаясь ни с зимой, ни с летом, не лентясь.

Думы убеляют волосы людей.

Основная мысль стихотворения (она — в двух последних строках) — довольно банальна, Впечатление же поэтичности создают первые две строки. И в самом деле, образ «снежинки-лебеди» в общем-то неплохой, но это не спасает итога стихотворения — «открытия» в нем нет. Кроме того, закралась неточность в сравнение: думы обступают людей беспрестанно (— «не считаясь ни с зимой, ни с летом», а снежинки-лебеди садятся на скалы все-таки только зимой).

Другое стихотворение — «Из картофельного куста...»:

Из картофельного куста
Вместе с краснощекими
картофелинами

Сморщенная, внутри пустая одна
вышла.

Ее, ребята, материнским
картофелем называют —

Она жизнь свою закончила, жизнь
рождая.

Конечно, понятно стремление автора внушить читателю преклонение перед материнством, перед его самопожертвованием ради возрождения и продолжения жизни на земле, перед его трудной миссией. Понятно также, что толчком к возникновению замысла стихотворения могут послужить самые незаметные явления, предметы, чья-то случайно оброненная фраза и т. п., в том числе и картофельный куст. И все-таки в приведенном стихотворении образ «материнского картофеля» не впечатляет — ассоциативно не поднимает до желаемого символа. Потому что это слишком очевидная и слишком элементарная мысль — из тех, что лежат на самой поверхности (именно она приходит на память чуть ли не каждому, кто видит картину, от которой отправляется здесь автор), Таковы и стихотворения «Здравствуй, море», «Лунная ночь».

Это одна категория неполучившихся стихов М. Батчаева. Другая группа — такие, где мысль неясна или в чем-то неверна, необдумана.

Стихотворение «Если пастух...» посвящено теме Родины. А конкретнее — выражению того понятия, что «если человек потеряет отечество, ему жизни нет».

М. Батчаев не может не знать, что это известная мысль в «вечной» и обширной теме. Следовательно, его задача заключалась в том, чтобы еще раз, от себя лично, засвидетельствовать неоспоримость этой кем-то и оспариваемой, кем-то недооцениваемой мысли — что возможно лишь тогда, когда скажешь о ней по-своему, художественно, убедительно. Автор и пытается так сделать. Но он не точен в

выборе слов.

Первый из доводов, возникших в форме народных поговорок, таков:

Если пастух потерял овцу,
Ему шашлыка нет!

Насколько это утверждение внушительно в свете избранной темы, да и насколько правдоподобно, реально лишение пастуха — при таких обстоятельствах — хлеба насущного (вовсе не в буквальном, а самом вольном понимании — в плане возникновения представлений): ведь нам же не говорят, что он обладатель единственной овцы или «потерял» стадо (свое, чужое ли).

Совсем иначе звучит другой довод:

Если охотник потерял ружье,
Ему дичи нет!

Безусловно.
Третий аргумент:

Если певец потерял песню,
Ему хвалы нет!

Как понять «потерял песню» (поэзию, творчество)?

Очень неопределенно слово «хвала». Все это явно результат зависимости от рифмы и ритма.

К стихотворениям такого рода относятся «Старого дедушку моего...», «Рожденный смерти не минует...», «Если бы жизнь свою, как надо, устроила...».

Небезынтересно начинается стихотворение «Если гармонь...»

Если костер не будет
кипятить котел,
Зачем горит он?
Если звезда не будет освещать
небо,
Разве это звезда?
Если не будет манить к
себе, навевать

усталость,

Для чего построена дорога?

Но вывод скорее запальчив, чем реально категоричен: «если не может освещать, как звезда, зачем живет» человек? «Если не может гореть, как костер, разве это человек?»

В принципе здесь речь идет об известном понятии: «человек должен гореть, а не тлеть». Людей ярких, воистину освещающих жизнь, тех, что горят высоким пламенем костра было и есть, к нашему счастью, немало. Однако это все-таки в известной мере человек «в идеале», достичь уровня которого, разумеется, должен стремиться каждый; но отказать в праве на жизнь, вычеркнуть из рода человеческого всех, кто не может светить звездой, гореть костром — помилуйте!

Этому стихотворению в книжке М. Батчаева предшествуют строки из Назима Хикмета:

Ведь если я гореть не буду,
И если ты гореть не будешь,
И если мы гореть не будем,
Так кто же здесь рассеет тьму?
(«Как Керем».)

Перевод Л. Мартынова.

Все правильно: Н. Хикмет исповедует веру в возможности человека, призывает каждого вплести свой (посильный) луч во всемирный светильник, начисто отменяет равнодушие к делам и заботам общества, созерцательность. В своей горячей солидарности с Н. Хикметом молодой поэт явно впал в крайность.

Подобное противоречие между хорошими намерениями автора и тем, во что они вылились, содержится в стихотворении «Борись, море...»,

Кто видел, чтобы море когда-нибудь отдыхало?! Оно всегда в беспокойном движении, а то бьется яростно в гнев. Кто-то жестокий обрек его на неволю, окружив его неприступным забором и оно не хочет мириться с оковами. Волна грудью бросается на каменное ограждение и разбивается. Но вслед за ней встает другая, готовая к бою и смерти. Заканчивается

стихотворение так:

Борись, море!
Вздымай гордые волны!

Прекрасно будущее того, кто борется.

Кто мирится с ярмом, тому — проклятье.

Тому, кто не разбивает кандалы, — сто проклятий.

Долготерпение поработенного можно порицать, осудить, но можно и понять исторически. Служение завоевателю — клеймить позором. Но посылать проклятия, презрение, скажем, древним рабам, народам, над которыми, меняя формы, не меняя сути, по сей день довлеет власть насилия, или колониальным народам, не имеет ничего общего с прославлением свободы, с бескомпромиссным утверждением борьбы за нее. А главное: вступить в борьбу и «разорвать оковы» — вещи разные: второе далечо не всегда осуществимое следствие первого. Никаких возражений не вызывает другое стихотворение М. Батчаева на эту же тему:

От умерших за справедливость
Пусть услышим мы проклятие,
Если состаримся без борьбы с
несправедливостью.

Если насилие и окрепло, как
сталь-железо,

Нынче есть пила, способная резать
и металл.

Логично, четко, оригинально. Таких стихов и лучших в сборнике немало. И я и ты зрячие, — говорит поэт в стихотворении «Не жалею, но по-разному взглянули мы на жизнь». Один из них осел на просторе зеленой долины, а поэт поселился на «островерхих горах». Внизу, в долине, удобно, уютно. Там, где живет поэт, выюжно, холодно. Но он не жалеет об этом:

Мой дом ближе к звездам.

Вот высоко в горах, расщепив скалу, выросла и цветет смородина. Но засвистит, завоюет бродячий ветер — и ягоды осыпаются в пропасть. Ни один

путник не может взобраться к той смородине, не доступны плоды те человеку. Так, «если не будешь полезен никому, зачем, даже камень расколов, мучительно стремилась жить?» («Смородина»).

Мотивы обоих стихотворений сами по себе — знакомые, но выражены по-своему, убедительно: без нажима, натяжки раскрывается собственное наблюдение, убеждение, мечта.

Художественной аргументированностью чувств наиболее отмечены стихотворения «Счастье», «Я уйду», «Море, друг мой», «Вставай, мой Алакаш», «Если честь запятнаю», юмористические зарисовки и шутки «Медвежонок», «Клятва моего соседа», «Теленок кончил сосать».

Особо следует подчеркнуть в них интонационную выразительность. Строфическое разнообразие, ломаная строка не являются здесь самоцелью, формальным признаком. Они вместе с своеобразными повторами и рифмой и, конечно, словарем, в целом, простым и точным, создают задушевность, ощущение достоверности чувства. В затянувшейся рецензии уже не осталось места для более подробного разговора о языковых упущениях в книжке (иные из них просто не поддаются толкованию на русском языке), но отметим некоторые из тех, которые портят хорошие стихи.

В стихотворении «Если честь свою запятнаю» две строки, заключающие мысль, что, хоть тело становится немощным от старости, сердце не хочет расставаться с жизнью. Во второй, как бы «закрепляющей», из этих строк сказано: «сан кетсе да» — «хоть тело ушло». Получилась нелепость. И еще: вряд ли возможно характеризовать, объяснить притягательную силу жизни словами «сердце крылато». Да и вообще это стершееся, мало что говорящее выражение. Таковы слова «дающая счастье» («насыб берген») о родной земле в стихотворении «Журавли». В стихотворении «Хорошо живи иль плохо...» говорится: «Если мечты своей

не достигнешь, жизнь безвкусна; если легко ее достигнешь, мечта дешева (бесценна). Так, что же дешево: сама мечта (была, показалась теперь маленькой, настоящей и т. п.) или все-таки ощущение, испытываемое после ее достижения?

Еще одно замечание. Составление поэтической книги по методу «рассортировки» на тематические разделы сегодня выглядит, по меньшей мере, странным. Не берусь толковать кто и зачем ввел этот «метод», хочу сказать только, что настоящее стихотворение редко ограничивается рамками какой-то одной единственной темы и «привязывать» стихи к тематическим разделам значит искусственно суживать их значение. А коль скоро такое деление все-таки произошло, то таким образом попали в раздел «Со смехом» такие вовсе не смешные (а одно истинно драматичное) стихотворения «Вставайка, мой Алакаш», «Кто не находит золотой тесьмы», «Рожденный не минует смерти...».

Жаль, что редактор Д. Кубанов не помог молодому поэту в устранении таких— особенно языковых — недоработок и недочетов.

Название сборника точно соответствует его содержанию: раздумья, большие иль малые, верные иль ошибочные, заметны почти во всех вошедших в него стихотворениях. Жизнь задает тысячи вопросов. На каждый вопрос возникают десятки-сотни ответов, порой бывает единственно правильный ответ. Поэтому писатель всегда, всю жизнь идет дорогой раздумий (как бы его книги ни назывались). А успех зависит от степени глубины и важности их. М. Батчаев нащупал дорогу верно. Но ему предстоит еще много-много думать... Как о загадках жизни, так и тайнах поэтического творчества.

Н. БАЙРАМУКОВА.